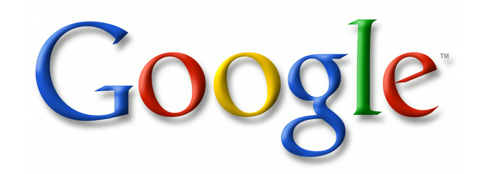
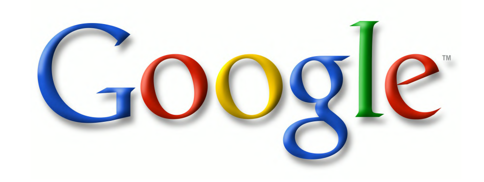

Современная Библіотека.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

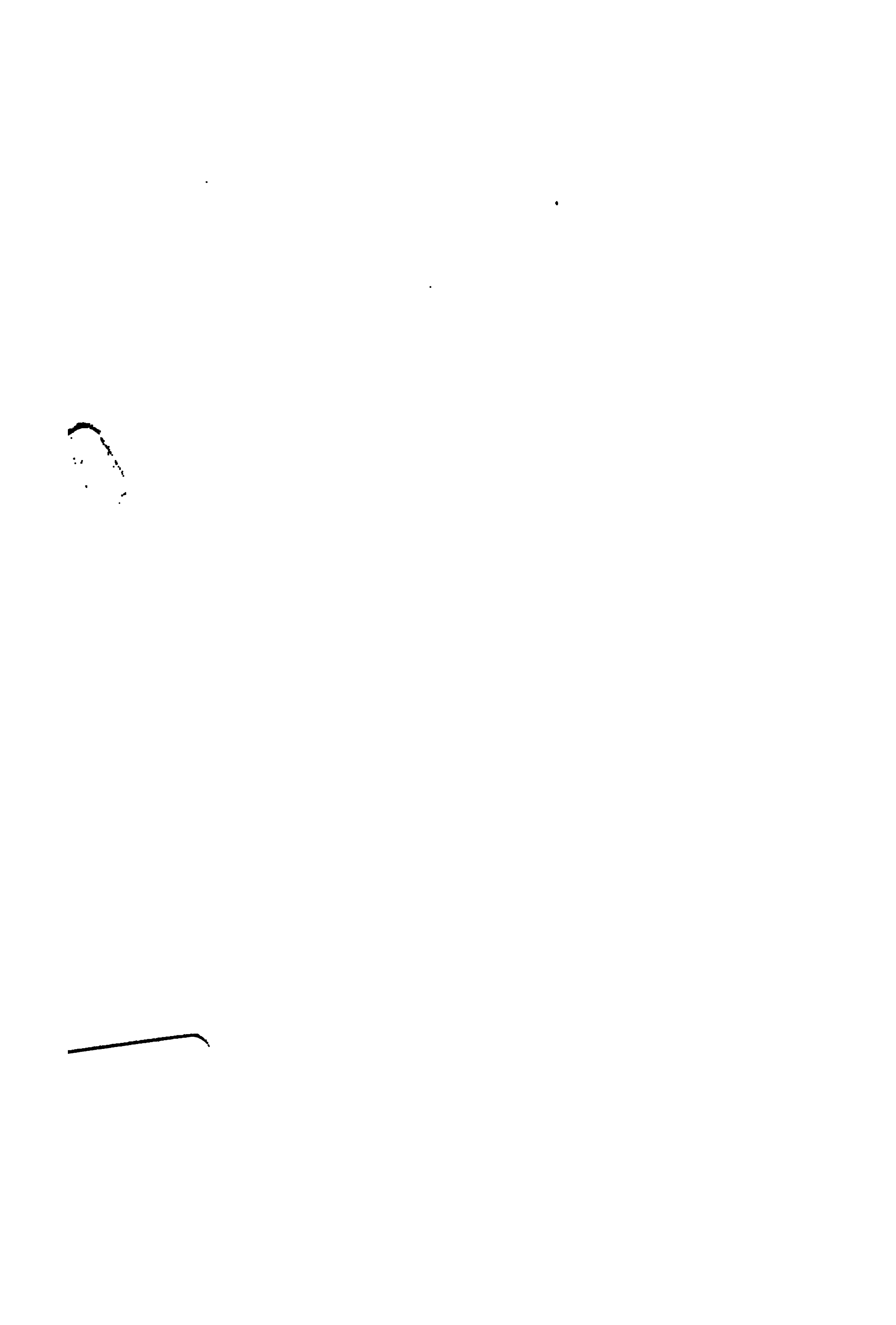
Историческій процессъ русскаго народа

въ русской исторической наукѣ.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна 10 коп.

Современная Библіотека.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскій.

Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ.

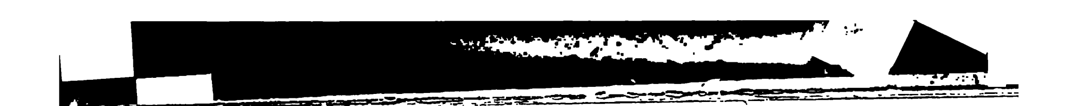

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Дозволено цензурою. Москва, 26 августа 1905 г.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой домъ.
МОСКВА. — 1906.

Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ.

Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторической наукѣ.

Одинъ византійскій писатель IV вѣка, Григорій Назіанзенъ, очень живо характеризуетъ византійское общество своего времени, поглощенное религіозными спорами: «Если ты придешь къ мѣнялѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ Отецъ отличается отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стóитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ, испеченъ ли хлѣбъ, отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего».

Такъ горячо византійцы интересовались вопросами о вѣрѣ.

Въ исторической наукѣ нашего времени замѣтно такое же оживленіе въ вопросахъ, касающихся вѣры въ историческую науку: разъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ историческаго міросозерцанія, то, естественно, каждый занимающійся или интересующійся исторіей долженъ разобраться въ томъ, что составляетъ сущность историческаго процесса.

Но каковы бы ни были наши теоретическія воззрѣнія, необходимо прежде всего обратиться къ наличному литературному обороту науки. Вѣдь идейное и фактиче-

ское содержаніе научныхъ знаній накопляется вѣками. Наука русской исторіи можетъ считать, по крайней мѣрѣ, полтораста лѣтъ своего существованія — со временъ В. Н. Татищева. Какъ ни разнообразенъ былъ трудъ, положенный въ ея созданіе, все же можно услѣдить извѣстное господствующее въ данное время направленіе, можно указать объединяющую и руководящую работами идею. Поэтому когда идетъ обостренный теоретическій споръ о выработкѣ историческаго міросозерцанія, то мнѣ кажется наиболѣе умѣстнымъ обратиться къ исторической наукѣ съ вопросомъ о выработанномъ ею идейномъ содержаніи, объ ея вѣрѣ въ историческій процессъ. Я и хочу коснуться этого предмета.

Думается, что въ русской исторической наукѣ можно намѣтить два крупные періода ея развитія: первый періодъ охватываетъ собою XVIII в. и въ XIX в. кончается Карамзинымъ; второй начинается Соловьевымъ. Въ первый періодъ воззрѣнія на задачи историческаго изученія характеризуются господствомъ этико-националистическихъ взглядовъ. Исторія — поучительная книга для современности. Такъ думалъ Татищевъ. Къ этому опредѣленію Ломоносовъ еще прибавлялъ: исторія — «смертный трудъ», созидаетъ народамъ и лицамъ «похвальныхъ дѣлъ достойную славу».

Таковы были взгляды Ломоносова на задачи исторической науки. Правда, писатели екатерининскаго времени — князь М. М. Щербатовъ и Болтинъ — уже нѣсколько выше смотрятъ на задачи исторіи: они стараются установить причинность историческихъ событій; но это еще весьма примитивный прагматизмъ. Такъ, князь Щербатовъ ищетъ причину каждаго даннаго событія въ ближайшемъ къ нему по времени, т.-е. чисто внѣшнимъ образомъ старается связать одинъ фактъ съ другимъ. При всемъ томъ исторія Щербатова проникнута сентенціями нравственнаго и философскаго характера.

Этико-націоналистическій періодъ русской исторіографіи блестящимъ образомъ завершенъ Карамзинымъ, создавшимъ, по мѣткому выраженію Соловьева, «величественную поэму». Но авторъ «Бѣдной Лизы» остался вѣренъ себѣ и въ исторіи: на Исторіи Государства Россійскаго Карамзина отразилась мистическая сантиментальность эпохи; на исторію онъ смотритъ съ точки зрѣнія современности, онъ видитъ въ исторіи матеріалъ, пригодный для поученія, для развитія національной гордости и любви къ отечеству; въ то же время въ историкѣ сказывается романистъ: изложеніе событій часто принимаетъ форму мелодрамы.

Карамзинъ закончилъ свою литературно - научную дѣятельность какъ разъ въ такой моментъ, когда вложенная имъ въ историческій процессъ идея отживала свой вѣкъ. Поэтому послѣ краткаго періода колебаній, отмѣченнаго дѣятельностью Полевого, появляется новое теченіе въ русской исторической мысли, которому наша наука обязана широкимъ и плодотворнымъ развитіемъ. Это была юридическая школа въ русской исторіографіи, родоначальниками которой являются С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ, Б. Н. Чичеринъ.

Возникновеніе новаго направленія находится въ непосредственной зависимости отъ философскаго движенія 20-хъ и 30-хъ годовъ на Западѣ.

XVIII вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія, выдвинулъ въ области политической жизни космополитизмъ и естественное право; въ области философіи онъ закрѣпилъ господство человѣческаго разума. Съ паденіемъ французскаго главенства просвѣтительныя идеи стали терять свое прежнее довѣріе. Реакція пытается выдвинуть новыя всеобъемлющія идеи. Господство разума и естественнаго права смѣняется необыкновеннымъ расцвѣтомъ католицизма и въ особенности мистическихъ ученій. Взамѣнъ космополитизма растетъ новая національная идея. Послѣдняя удовлетворяла какъ

темныхъ представителей реакціи, такъ и людей либеральнаго направленія. Для такихъ представителей реакціи, какъ Галлеръ, Жозефъ де-Местръ и друг., программа настоящаго и будущаго представлялась ясной. Но мысль либеральнаго направленія не могла удовлетвориться церковно-полицейскими предписаніями и искала выхода. Новыя идеи стали зарождаться въ Германіи. Фихте изъ философа превратился въ народнаго трибуна. Въ періодъ броженія мысли, раскола ея, отсутствія въ ней единства явилась философская система, которая оказалась способной объединить европейскую мысль.

Трудно представить другую философскую систему, которая такъ удовлетворительно рѣшала бы назрѣвшіе вопросы современности, такъ искусно сплетала бы прошлое съ настоящимъ, какъ система Гегеля: въ Гегелѣ воплотился самъ абсолютный духъ вѣка, познавшій самого себя. Общество того времени, воспитанное въ преданіяхъ XVIII в., привыкло мыслить въ одномъ направленіи: Гегель далъ систему, удовлетворившую этой потребности. Въ пріемахъ мышленія того времени сохранилось еще много схоластическихъ переживаній: Гегель является величайшимъ схоластикомъ XIX в. Культурное общество привыкло считать себя единымъ и высоко ставило разумъ: Гегель объединилъ человѣчество, сдѣлавъ его вмѣстилищемъ единаго абсолютнаго духа, давъ, однако, въ своей системѣ мѣсто отдѣльнымъ народностямъ, и въ самомъ духѣ превознесъ человѣческій разумъ. Поэтическія наклонности современнаго общества удовлетворены вполнѣ Гегелемъ: по способу изложенія — это поэтъ. Этимъ удивительнымъ совпаденіемъ философіи Гегеля съ общественнымъ настроеніемъ объясняется ея огромное вліяніе, хотя его система и не вполнѣ оригинальна: въ числѣ предшественниковъ Гегеля мы видимъ Фихте и другихъ. Гегель, характеризуя философію Фихте, какъ мнѣ кажется, опредѣлилъ и соотношеніе

своей системы къ ученіямъ просвѣтительнаго вѣка: по словамъ Гегеля, Фихте воздвигалъ «чистое я на развалинахъ матеріальнаго тѣла, свѣтилъ небесныхъ и тысячи тысячъ міровъ».

Лишенная философскихъ драпировокъ, историческая система Гегеля довольно проста. Основнымъ моментомъ его философіи является понятіе объ абсолютномъ духѣ. Абсолютный духъ, это — самъ міровой разумъ. Человѣчество служитъ вмѣстилищемъ абсолютнаго духа. Воплощаясь то въ одномъ, то въ другомъ народѣ, духъ постепенно развивается въ своемъ стремленіи *познать самого себя*, освободиться отъ матеріальныхъ опредѣленій. Такъ онъ переходитъ отъ *бытія внѣ себя* — Fürsichsein, къ *бытію въ себѣ* — Insichsein. Торжество духа — конечная цѣль прогресса; дальше итти некуда. Всякое данное состояніе культуры, т.-е. философіи, права, религіи, морали, есть извѣстная стадія въ развитіи духа. Однако абсолютный духъ проявляется какъ не во всякомъ народѣ, такъ и не во всякомъ индивидуумѣ. Поэтому народы дѣлятся на историческіе (персы, греко - римляне, германцы) и неисторическіе (китайцы, славяне). Для развитія духа необходимы нѣкоторыя условія, коренящіяся въ природѣ страны и племени. Развиваясь, духъ дѣтство провелъ въ Персіи, юность—въ Греціи, возмужалъ въ Римѣ и состарился въ лонѣ романо - германцевъ. Здѣсь онъ нашелъ примиреніе и высшее выраженіе, дальше котораго итти некуда. Народы, которыхъ покинулъ абсолютный духъ, сходятъ съ исторической сцены, умираютъ. Это красивое поэтическое описаніе шествія и воплощенія абсолютнаго духа, по теоріи Гегеля, соотвѣтствуетъ росту человѣческой культуры.

Изъ этой схемы Гегеля логически вытекаютъ основныя задачи въ изученіи исторіи. Исторія интересна постольку, поскольку въ ней проявился или проявляется

абсолютный духъ; слѣдовательно, изученію подлежитъ только идейное содержаніе общества, матеріальнымъ факторамъ въ наукѣ нѣтъ мѣста. Каждый данный моментъ есть извѣстная стадія въ развитіи духа,—отсюда знаменитый тезисъ Гегеля: *все существующее разумно и все разумное существуетъ*. Въ отдѣльныхъ людяхъ духъ находится въ разсѣяніи, въ государствѣ онъ возвращается къ своему единству. Поэтому Гегель высоко ставилъ государство, въ которомъ саморазвивающійся духъ способенъ наилучше проявиться: «Государство есть дѣйствительность нравственной идеи — проявившійся духъ, самъ для себя ясная субстанціальная воля». Слѣдовательно, государство есть продуктъ народнаго самопознанія. Но замѣтьте, что государство, какъ всякое правовое понятіе, по Гегелю, *есть то, какъ оно можетъ быть познано, но не то, какимъ оно должно быть*. Значитъ, *всякое государство, власть хороши, разъ онѣ существуютъ*.

Понятіе о государствѣ и правѣ—кардинальный пунктъ гегелевской философіи исторіи. Онъ ведетъ къ тому, что историкъ долженъ на первый планъ ставить изученіе *государственной власти*, вообще — права. Далѣе, такъ какъ у власти, вообще на верху общества, стоятъ крупныя, историческія личности, то степень развитія духа выражается въ нихъ. Ахиллесъ, Александръ Македонскій, Аристотель, Цезарь, Наполеонъ—вотъ объекты историческаго изученія, на которыхъ съ любовью останавливается самъ Гегель. *Народная масса его не интересуетъ*.

Но является вопросъ: что побуждаетъ абсолютный духъ двигаться на пути къ самопознанію? Діалектическій процессъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Гегель очень тонко подмѣтилъ важное свойство человѣческой логики: высказанное предположеніе (тезисъ) вызываетъ въ нашемъ умѣ противоположеніе (антитезисъ); изъ этого вытекаетъ логически вѣрный выводъ (синтезъ). Въ исторіи этотъ

процессъ безконечно повторяется: деспотизмъ порождаетъ свободу, религіозная нетерпимость—свободу вѣры и т. д. Такимъ образомъ человѣчество безпрерывно совершаетъ логическій кругъ.

Итакъ, философія Гегеля указала исторической наукѣ основную задачу въ изученіи, направивъ его на изслѣдованіе идейнаго содержанія общества вообще и на изученіе права въ особенности. Она узаконила и даже культивировала роль личности въ исторіи. Она дала методъ изслѣдованія въ формѣ діалектическаго процесса. Наконецъ, та же философія указала единое движущее начало въ исторіи, объяснила, что исторія не есть случайное сцѣпленіе обстоятельствъ, а *развитіе народнаго организма*, совершающееся по опредѣленнымъ законамъ. Мало того, Гегель обстоятельно развилъ ту важную мысль, что всѣ народы имѣютъ общую природу и что задачей философіи исторіи является изслѣдованіе этой общей природы человѣчества.

Всѣ эти выводы были крупнымъ пріобрѣтеніемъ науки, и односторонность ихъ не скоро была подмѣчена. Въ самомъ дѣлѣ, въ понятіи философіи исторіи, какъ оно опредѣлено Гегелемъ, есть много возвышеннаго и привлекательнаго: цѣлью народной жизни является развитіе высшихъ идей. Общество разсматривается какъ вмѣстилище абсолютнаго духа, и задача историка сводится къ тому, чтобы прослѣдить ступени развитія этихъ высшихъ началъ человѣческой жизни.

Гегелевская философія получила въ исторической литературѣ широкое примѣненіе и вліяніе, и значеніе ея установилось тѣмъ болѣе прочно, что родившаяся одновременно историческая школа права ввела, въ лицѣ Савиньи, гегеліанскіе принципы въ правовѣдѣніе. Значеніе въ исторіи идейныхъ факторовъ сдѣлалось надолго главенствующимъ, и историкъ великой французской революціи Луи Бланъ вѣрно отразилъ характеръ историче-

скаго міросозерцанія эпохи, заявивъ, что «исторія дѣлается книгами».

Основа русской исторической науки обязана гегеліанскимъ идеямъ.

Расцвѣтъ гегеліанскихъ идей на Западѣ совпалъ съ весьма важнымъ моментомъ въ настроеніи русскаго общества. Первые либеральные годы правленія императора Александра I способствовали тому, что русское общество стлоа критически относиться къ тогдашнему порядку вещей: отъ лучшихъ представителей общества не могли скрыться наболѣвшія раны русской дѣйствительности, наприм., крѣпостное право, отсутствіе правосудія и пр. Двѣнадцатый годъ способствовалъ необычайному подъему національнаго духа. Однако побѣдители Наполеона, успѣвшіе основательно ознакомиться съ западной цивилизаціей, встрѣтились на родинѣ съ инымъ порядкомъ вещей. Все это способствовало быстрой переработкѣ стараго міросозерцанія. Напомаженный пейзанъ, которому усердно служила муза трезваго крѣпостника Карамзина, смѣнился въ представленіяхъ русскаго общества настоящимъ русскимъ мужикомъ,—въ смазныхъ сапогахъ, съ корявыми руками. Недалекому будущему предстояло только сдѣлать открытіе, что у этого мужика — пустое брюхо. Политическіе запросы становились выше. Національное славословіе, выразительнымъ пѣвцомъ котораго былъ Карамзинъ, смѣняется болѣе развитымъ народнымъ самосознаніемъ. Въ устахъ кн. Одоевскаго не было пустымъ звукомъ восклицаніе «Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!» Народное самосознаніе, политическіе запросы волновали общество. Во взглядахъ общества произошелъ глубокій переворотъ. Между тѣмъ политическая мысль послѣ 14 декабря 1825 г. оказалась сильно стѣсненной. Оставался одинъ выходъ—область отвлеченныхъ идей, и на смѣну шеллингіанства является гегеліанство. Русскіе послѣдователи Гегеля съ особеннымъ

усердіемъ подчеркивали его ученіе о свободѣ абсолютнаго духа.

Гегель обращалъ мысль къ изученію прошлаго. Въ приложеніи къ Россіи это обстоятельство имѣло послѣдствія двоякаго рода: одни изучали прошлое, и гегелевская теорія давала имъ увѣренность въ томъ, что абсолютный духъ въ своемъ стремленіи къ самопознанію непреложно ведетъ къ свободѣ; другіе въ прошломъ увидѣли осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ, близость власти къ народу, «народосовѣтіе», какъ выражался Щаповъ. Такъ политическіе идеалы переплетались съ научно-философскими воззрѣніями на исторію.

Среди такого настроенія общества въ русской исторіографіи зародились двѣ школы, которыя надолго опредѣлили дальнѣйшій ходъ русской исторической мысли. Съ одной стороны возникла юридическая школа во главѣ съ Соловьевымъ, Кавелинымъ, Чичеринымъ, съ другой стороны возникло славянофильское движеніе. Оба направленія находятся въ непосредственной связи съ гегеліанскимъ ученіемъ.

Наиболѣе непосредственно отразилось гегеліанское ученіе въ трудахъ самаго даровитаго и пользовавшагося наибольшимъ вліяніемъ, какъ лекторъ, изъ родоначальниковъ юридической школы — Кавелина. Его сочиненіе «Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи» появилось въ одинъ годъ съ книгой Соловьева «Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома» (1847 г.). Оба сочиненія выдвигали одинъ и тотъ же вопросъ и рѣшали его одинаковымъ способомъ.

Кавелинъ исходитъ изъ общаго убѣжденія въ томъ, что русская исторія «представляетъ постепенное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ; слѣдовательно, въ ней было развитіе». Въ чемъ заключается это развитіе, наука еще не опредѣлила. Чтобы понять «тайный смыслъ нашей исторіи», необходимы взглядъ, теорія, т.-е.,

иными словами, нужно исходить изъ общихъ представленій объ историческомъ процессѣ. Теорія должна «представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами».

Въ древне-русской исторіи изслѣдователь отмѣчаетъ постепенный переходъ отъ небытія къ бытію. Она начинается эпохой родового быта. Въ доисторической пустотѣ древне-русской исторіи Кавелинъ свободно рисуетъ идиллическую обстановку господства родовыхъ отношеній, а затѣмъ слѣдитъ за остатками ихъ въ княжескомъ и частномъ быту. Но кровный родъ съ его общею собственностью заключаетъ въ себѣ отрицательныя начала развитія: въ немъ нѣтъ мѣста личности. Общій историческій законъ заключается въ безусловномъ признаніи личности: «личность, сознающая сама по себѣ безконечное безусловное достоинство, есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія».

Дѣйствуютъ не народныя массы—ихъ дѣйствіе только кажущееся,—а мыслящія единицы. Но въ чемъ состоитъ конечная цѣль развитія? Въ глубокомъ внутреннемъ примиреніи личности, отвѣчаетъ Кавелинъ. Отсюда становится понятной схема объясненія русской исторіи: она начинается родовымъ бытомъ, не допускающимъ развитія личности. Слѣдовательно, степени развитія личности и совпадающія съ ними степени упадка родового быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи. При такихъ условіяхъ исторія является единымъ и строго органическимъ процессомъ развитія, на который не могутъ вліять никакія матеріальныя или внѣшнія условія. Поэтому даже перенесеніе жизненнаго центра въ Суздаль, играющее роль крупнаго историческаго фактора у Соловьева, не имѣетъ вліянія на развитіе русскаго процесса у Кавелина. Процессъ совершается черезъ отрицаніе (гегелевскій терминъ) всѣхъ факторовъ, которые

враждебны эмансипаціи личности: родовое начало съ его общимъ владѣніемъ смѣняется семьей съ частной собственностью; личность объединяется въ государствѣ, какъ цѣли, къ которой она можетъ совершить свое поступательное движеніе. Смыслъ этого историческаго движенія заключается въ томъ, что каждый данный моментъ народнаго развитія есть шагъ къ послѣдующему: существующее хорошее идетъ еще къ лучшему. Изъ этой схемы становится понятнымъ и опредѣленіе, даваемое исторіи Кавелинымъ: исторія «дѣлается источникомъ и зеркаломъ народнаго самосознанія».

Таковъ конечный выводъ исторической философіи Кавелина.

Ея связь съ философіей Гегеля совершенно ясна: центральное значеніе въ историческомъ процессѣ занимаетъ личность, стремящаяся къ глубокому внутреннему примиренію, которое зарождается въ самопознаніи.

Процессъ отъ бытія внѣ себя къ бытію въ себѣ совершается органически по единому началу, обусловленному діалектическимъ процессомъ.

Не говоря о томъ, что схема Кавелина недостаточно исторична, такъ какъ нѣкоторыя звенья ея нарушаютъ фактическую основу,—философія Кавелина выхватываетъ историческій процессъ изъ пространства и времени и сводитъ его къ философско-правовой формулѣ.

Соловьевъ шире ставитъ формулу историческаго процесса, хотя и исходитъ изъ той же гегеліанской основы.

Самъ Соловьевъ называетъ свое направленіе историческимъ, а свое представленіе объ историческомъ процессѣ — органическимъ. Но намъ кажется, что вѣрнѣе называть школу Соловьева, Чичерина, Кавелина юридической, согласно основнымъ задачамъ, которыя ставила себѣ эта школа по вопросамъ, ею разработаннымъ.

Для Соловьева «исторія есть наука народнаго самопознанія». Почему самопознаніе можетъ наполнить собою

историческое міросозерцаніе? «Самопознаніе, — говоритъ Соловьевъ,—есть вѣнецъ знанія».

Отсюда уже понятно, что идеологическіе факторы въ схемѣ Соловьева являются цѣлью историческаго знанія и движущей силой прогресса.

Для Соловьева народъ есть извѣстный организмъ, подобно другимъ животнымъ организмамъ. Поэтому на развитіе народа оказываютъ вліяніе тѣ же факторы, что и на развитіе другихъ организмовъ. Поэтому Соловьевъ въ числѣ историческихъ факторовъ ставилъ прежде всего племенныя особенности, такъ какъ въ племени отражается вся сумма интеллектуальнаго развитія народа; затѣмъ природу страны и, наконецъ, нѣкоторыя другія условія, напр., переселенія, которымъ Соловьевъ придавалъ большое значеніе. Такимъ образомъ къ основной цѣли — самопознанію — ведетъ не единое начало, субстанція народа, какъ у Кавелина, а цѣлый рядъ побочныхъ факторовъ, уяснить важное значеніе коихъ составляетъ задачу историка.

Прогрессъ народа, какъ и развитіе животнаго или растительнаго организма, заключается въ непрерывномъ движеніи отъ единаго къ многому, въ «членораздѣленіи», но раздѣляющіяся части находятся при движеніи въ единеніи: «движеніе, жизнь, прогрессъ условливаются соединеніемъ». Это общій законъ развитія всѣхъ организмовъ. Если на этомъ положеніи замѣтны уже слѣды эволюціонной теоріи (цитируемая ст. «Прогрессъ и религія» появилась въ 1868 году), то въ опредѣленіи цѣли и слѣдствій историческаго движенія Соловьевъ остается чистымъ гегеліанцемъ. Цѣль развитія — народное самопознаніе. Человѣчество движется по единому и неизмѣнному закону развитія, и для всѣхъ народовъ единообразно слѣдствіе прогресса: «исторія показываетъ намъ, что все органическое, къ которому принадлежатъ народы и цѣлое человѣчество, проходитъ одинаково черезъ

извѣстныя видоизмѣненія бытія: родится, растетъ, дряхлѣетъ и умираетъ».

Разъ историческій процессъ есть развитіе самопознающаго интеллекта, то задача историка сводится къ тому, чтобы фиксировать моменты интеллектуальнаго роста и его соотношенія съ формами, въ которыхъ интеллектъ наилучшимъ образомъ отражается, т.-е. съ правомъ и государствомъ. Отсюда вытекаютъ два важныхъ вывода: историкъ долженъ слѣдить за верхами общества, такъ какъ они являются рельефными показателями даннаго состоянія культуры, носителями идей. Народная масса не интересна для историка. Важно только выяснить соотношеніе правительства и народа. Изучать правительство надо потому, что на немъ отражается народное самосознаніе: каково правительство, таковъ и народъ — ни лучше ни хуже. «Правительство, какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ, въ немъ народъ олицетворяется; поэтому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка».

Отсюда понятна тѣсная, неразрывная связь народа и государства: государство—форма, народъ—содержаніе. Народъ и государство нельзя развести, потому что государство есть необходимая форма для народа, «который немыслимъ безъ государства». «Что такое племя, что такое народъ безъ государства?—говоритъ Соловьевъ въ рѣчи на карамзинскомъ юбилеѣ. — Матеріалъ нестройный, безформенный; только въ государствѣ народъ заявляетъ свое историческое существованіе, свою способность къ исторической жизни».

Въ правительственномъ механизмѣ дѣйствуетъ то, что движется въ исторіи, — личности, отражающія, слѣдовательно, въ себѣ идейное содержаніе общества. «Исторія имѣетъ дѣло только съ тѣмъ,—говоритъ Соловьевъ,— что движется, видно, дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ, и потому для исторіи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ

народными массами, — она имѣетъ дѣло только съ представителями народа, въ какой бы формѣ ни выражалось это правительство».

Поэтому на первомъ планѣ въ исторіи должны выступать вожди партій, — министры, ораторы, монархи и пр.

Неудивительно поэтому, что историкъ земледѣльческой Россіи, въ пылу полемики, бросилъ горькую характеристику по адресу земледѣльческихъ классовъ: эти классы обнаруживаютъ «безсиліе смысла», отличаются рутинностью, неспособны къ нововведеніямъ.

Свои теоретическіе взгляды Соловьевъ развивалъ въ отдѣльныхъ статьяхъ и закрѣпилъ ихъ въ величественномъ памятникѣ научной работы — Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Общая задача Соловьева сводилась къ выясненію перехода отъ состоянія неисторическаго, т.-е. родового быта (мы уже знаемъ изъ изложенія теоріи Кавелина, почему этотъ бытъ считался неспособнымъ къ дальнѣйшему развитію) къ государственному началу (промежуточныхъ звеньевъ между родомъ и государствомъ у Соловьева не существуетъ), т.-е. къ такому, въ которомъ народъ способенъ органически развиваться и переходить въ самопознающую субстанцію. Все, что исходитъ отъ государства, хорошо и разумно; все, что исходитъ изъ народной массы, является противогосударственнымъ. Русскій историческій процессъ развивается подъ дѣйствіемъ борьбы государственныхъ, т.-е. разумныхъ, началъ съ антигосударственными, которыя тормозятъ развитіе.

Такова историческая схема Соловьева, вліяніе которой имѣло столь важныя послѣдствія въ русской исторической наукѣ. Мнѣ кажется, что В. И. Герье, большой поклонникъ Соловьева, очень мѣтко охватилъ міросозерцаніе великаго историка въ слѣдующихъ словахъ: «Глубоко въ его натурѣ коренились три великіе инстинкта рус-

скаго народа, безъ которыхъ этотъ народъ не имѣлъ бы исторіи — его политическіе, религіозные и культурные инстинкты, выражавшіеся въ его преданности государству, въ его привязанности къ Церкви и въ его потребности просвѣщенія». Въ самомъ дѣлѣ, это удачно сказано: Соловьевъ именно чутко слѣдитъ за развитіемъ государства, Церкви и просвѣщенія. Но въ его исторіи постоянно чувствуется одинъ недостатокъ: Соловьевъ забываетъ, что изучаемый имъ народъ не только строилъ государство, Церковь, велъ борьбу за просвѣщеніе, но и выносилъ на своихъ плечахъ рядъ тяжелыхъ матеріальныхъ испытаній, велъ борьбу на почвѣ экономической.

Изложеніе взглядовъ Соловьева и Кавелина на историческій процессъ въ достаточной мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, характеризуетъ данное ими направленіе. Поэтому я не буду останавливаться на взглядахъ третьяго представителя той же школы — Чичерина. Изъ сказаннаго отчетливо намѣчается, что цѣль историческаго изученія сводится къ выясненію органическаго развитія государственныхъ началъ и вообще идейнаго содержанія общества. Исторія дѣлается не массой народа, который играетъ пассивную роль, а его руководителями: они — носители идей. Славянофилы очень ядовито характеризовали это направленіе: Хомяковъ въ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ видѣлъ исторію государственности въ Россіи, а К. Аксаковъ въ своей критикѣ на трудъ Соловьева мѣтко замѣтилъ, что въ Исторіи Россіи народъ отсутствуетъ (это замѣчаніе касалось первыхъ восьми томовъ).

Крайности разобраннаго направленія встрѣтили отпоръ въ ученіи славянофиловъ. Это ученіе имѣло не только историко-философское значеніе, но и политическое, философское и богословское. Для того, чтобы понять значеніе славянофильскихъ взглядовъ въ русской историче-

ской наукѣ, намъ необходимо коснуться не только историческаго, но и политическаго ученія славянофиловъ.

Славянофильство обосновалось на гегеліанскомъ ученіи, но съ сильной примѣсью дегтя и лампаднаго масла. Я это опредѣленіе привожу не съ цѣлью ироніи: славянофилы, дѣйствительно, внесли въ гегелевскую философію русскую національную струю, — и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ наукой и обществомъ; но въ ихъ увлеченіяхъ были стороны, которыя нерѣдко дѣлали философовъ мишенью для остротъ.

Славянофильство заимствовало у Гегеля понятіе объ единомъ началѣ, проникающемъ исторію. Это начало имѣетъ идейное содержаніе: исторіей движетъ идея. «Матеріальные факторы, — объясняетъ К. Аксаковъ, — не имѣютъ мѣста среди источниковъ прогресса. Страшная игра матеріальныхъ силъ поражаетъ съ перваго взгляда, но это одинъ призракъ: внимательный взоръ увидитъ одну только силу, движущую всѣмъ, — мысль, которая всюду присутствуетъ, но которая медленно совершаетъ ходъ свой». Такимъ образомъ мысль, идея — движущій факторъ исторіи. Но гегелевскій абсолютный духъ только съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ свойства самопознающаго. У славянофиловъ *основная идея вѣчна и неизмѣнна:* она сама *правда*, *истина;* она не можетъ быть сегодня одной, а завтра — другой. Отсюда проистекаетъ большая разница въ пониманіи историческаго процесса славянофилами и юридической школой. Эту разницу опредѣляетъ самъ К. Аксаковъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Историческое направленіе, — какъ называетъ свое направленіе г. Соловьевъ, — понимаетъ исторію точно исключительнымъ и одностороннимъ образомъ. Оно думаетъ, что преемство всѣхъ историческихъ явленій есть непремѣнное направленіе, есть непремѣнное восхожденіе отъ лучшаго къ лучшему, такъ что день настоящій есть день правдивый, а вчерашній есть день

осужденный. Это — поклоненіе не исторіи, а времени. Здѣсь нѣтъ вопроса объ истинѣ въ ней самой, вѣря въ которую, вы не спрашиваете: ея ли теперь время, или нѣтъ?» И далѣе К. Аксаковъ высказываетъ свой собственный взглядъ на задачу исторіи: историку нѣтъ дѣла до того, какая истина теперь торжествуетъ: «Объ ея (т.-е. истины) ложности и неложности я сужу на основаніи требованій истины, истины независимой, и не усомнюсь назвать ее ложной (если таковою найду), какъ бы ни была она сильна во времени. Основаніемъ для пониманія исторіи должна быть, съ одной стороны, идея общей истины, ибо всякая исторія представляетъ такое или иное къ ней отношеніе, съ другой — начало (принципъ) народное, проникающее всю исторію, а не преемство историческихъ явленій или формъ» (Соч. I, стр. 169—170).

Изъ этого опредѣленія ясно, что гегелевскій тезисъ «все существующее разумно» не можетъ быть принятъ славянофилами: данный историческій моментъ можетъ быть ложнымъ или неложнымъ, можетъ быть шагомъ впередъ на пути прогресса и шагомъ назадъ. Такимъ образомъ славянофилы пытаются установить чисто-субъективный взглядъ на историческое прошлое. Но что можетъ служить вѣрнымъ критеріемъ истины? Мѣрило общей истины—народная масса, ибо огонь истины теплится въ избѣ, а не въ чертогахъ. Разъ истина приняла демократическій характеръ, то въ исторіи для славянофиловъ нѣтъ излюбленныхъ героевъ. Государство — только неизбѣжное зло, но не цѣль, не идеалъ народнаго бытія (ibid., стр. 287),—и *земское противополагается государственному.*

По ученію славянофиловъ, существуютъ два пути, по которымъ шло человѣчество. Одинъ путь, и единственно достойный,—это *путь свободнаго убѣжденія, путь внутренней правды;* другой путь *чисто внѣшній,* при

которомъ «внутренній строй (говоритъ К. Аксаковъ) переносится въ внѣ и духовная свобода понимается только какъ устройство, порядокъ (нарядъ); основы, начала жизни понимаются какъ правила и предписанія. Все формулируется. Это путь не внутренней, а внѣшней правды, не совѣсти, а принудительнаго закона» (ibid., стр. 12). Россія шла по первому пути, т.-е. по пути внутренней правды, тогда какъ Западная Европа шла по пути внѣшней правды. Дѣло въ томъ, что хотя русскіе славяне и образовали государство путемъ добровольнаго призванія варяжскихъ князей, но земля не смѣшалась съ государствомъ. Въ русской исторіи поэтому дѣйствуютъ двѣ силы—*земля и государство,* между которыми установилось взаимное довѣріе. Вотъ почему, по убѣжденію славянофиловъ, Россія — государство совершенно *самобытное,* не похожее на европейскія государства и страны. Въ основу западно-европейскихъ государствъ легло «рабское чувство покореннаго», въ основѣ русскаго государства — «свободное чувство»; на Западѣ — насиліе, рабство и вражда; въ Россіи — добровольность, свобода и миръ (ibid., стр. 13—17).

Истина, правда заключаются въ земствѣ; конкретнымъ ея выраженіемъ является *русская община.* Путь правды, это — «путь общественный или, лучше, земскій», говоритъ К. Аксаковъ. Въ общинномъ устройствѣ отлилось все «разумно-человѣческое»: миръ въ мірѣ, — играетъ словами К. Аксаковъ. «Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найти нѣчто себя высшее, а предстоитъ только преуспѣвать, очищаться и возвышаться (ibid., стр. 279). Въ общинѣ способны соединиться всѣ лучшія нравственныя начала— свобода истинная, свобода мысли и слова; въ общинѣ нѣтъ эгоизма: отказываясь отъ своей личности, человѣкъ въ общинѣ пріобрѣтаетъ свободу: «это дѣйство любви, высокое дѣйство христіанское, болѣе или менѣе неясно

выражающееся въ разныхъ (другихъ) своихъ проявленіяхъ. Община представляетъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется личность, но, отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно отверженныхъ личностей».

Земское устройство древне-русской общины не только представляло свободу отдѣльной личности; оно представляло собою и политическій органъ. Государственная власть имѣла неограниченныя права, но земля пользовалась неотъемлемымъ правомъ высказывать свои мысли; обладая правомъ свободнаго мнѣнія, земство въ московскій періодъ русской исторіи не искало никакихъ правъ политическихъ: между государствомъ и земствомъ установилось трогательное согласіе, при которомъ свободная земля высказывала на земскихъ соборахъ свои свободныя мнѣнія правительству, и для послѣдняго эти мнѣнія имѣли нравственно-обязательную силу. При такомъ условіи, при такомъ общеніи между государствомъ и землею въ древней Руси существовала истинная правда. До Петра Великаго гармонія не была нарушена, послѣ него равновѣсіе рушилось, правды на Руси нѣтъ. Отсюда простой шагъ, — и уже по мотивамъ чисто-политическимъ,—къ восторженному поклоненію старинѣ. «Русская исторія имѣетъ значеніе всемірной исповѣди. Она можетъ читаться какъ житія святыхъ!» восклицаетъ въ увлеченіи К. Аксаковъ (Соч. I, стр. 592).

Столкновеніе Россіи съ Западомъ потому нарушило гармонію московскаго періода, что на Западѣ истины нѣтъ: тамъ форма, внѣшность. Формализмъ западно-европейской цивилизаціи проникъ въ русскую жизнь, нарушилъ гармонію общенія между земствомъ и государственной властью; государство стало одно распоряжаться

судьбами народа, и по поводу этой дѣятельности земство имѣетъ свое особое мнѣніе, но не имѣетъ свободы его высказать.

Въ ученіи славянофиловъ много ненаучнаго, и главное — исторія оказывается безъ прогресса. «Правда» въ ихъ ученіи покрыта дымкой мистицизма. Отбросивъ эти стороны, мы въ ихъ ученіи вскрываемъ попрежнему *идейное содержаніе исторіи,* какъ руководящую силу, и тотъ же отправной пунктъ для исторіи—отношеніе государства къ народу, хотя и постановленное въ иную схему. Ясно также соотношеніе славянофильства и чистаго гегеліанства. У Гегеля абсолютный духъ, изначала обладающій извѣстными качествами, постепенно проявляется въ исторіи при своемъ стремленіи къ самопознанію и достигаетъ полнаго развитія въ XIX в. Основнымъ пунктомъ славянофильскаго ученія является такой же абсолютъ въ видѣ истинной правды, любви. Истинное значеніе этого абсолюта имѣетъ изначальное опредѣленіе; но для проявленія своего онъ не нуждается въ историческомъ ростѣ народа: онъ искони существовалъ въ древне-русскомъ періодѣ, и его необходимо теперь вернуть для излѣченія современнаго строя. Абсолютъ Гегеля проявляется въ государствѣ, какъ олицетвореніе всего разумнаго. *Правда, любовь* зиждутся въ народной массѣ и являются высшимъ закономъ нравственнаго міра, и начала нравственныя стоятъ выше разума: «изъ всемірныхъ законовъ волящаго разума, — говоритъ Хомяковъ, — или разумѣющей воли (ибо таково опредѣленіе самого духа) первымъ высшимъ совершеннѣйшимъ является неискаженной души законъ любви». Только проникаясь началомъ любви, нашъ разумъ можетъ совершенствоваться, мы можемъ постигнуть истину. «Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только совокупности мышленій, связанныхъ любовью». Любовь — первая основа всего сущаго: «Любовь, — говоритъ Хомяковъ, — не есть стремленіе одинокое, она

требуетъ, находитъ, творитъ отзвуки и общенія, и сама въ отзвукахъ и общеніи растетъ, крѣпнетъ и совершенствуется» (Соч. I, p. 283).

Нельзя не отмѣтить, что опредѣленіе и функціи правды, любви отличаются большою неясностью (впрочемъ, этотъ упрекъ можно отнести и къ опредѣленію абсолютнаго духа у Гегеля). Но для насъ важно одно, — и, какъ кажется, сказанное выше это доказываетъ убѣдительно,— что славянофилы, отправляясь отъ гегеліанской философіи, строили свою собственную: съ гегеліанствомъ они имѣютъ общую точку отправленія, но отличаются отъ своего источника тѣмъ, что отрицаютъ движеніе и нравственныя начала ставятъ выше началъ разума.

Но гегеліанская философія охватываетъ не только область отвлеченныхъ идей и права, а тѣсно связана и съ политикой. Уже давно признано, что Гегель — философъ реакціи: своимъ знаменитымъ афоризмомъ (все существующее разумно) онъ оправдывалъ гнетъ реакціи и прусской бюрократіи. Но русскіе послѣдователи Гегеля находили въ немъ черту, которая весьма подходила къ тогдашнему порядку вещей: вѣдь абсолютный духъ безконечно стремится къ совершенствованію и къ свободѣ. Для послѣдователей юридической школы, которые сливались съ западниками, эта сторона въ ученіи Гегеля давала прочную увѣренность въ улучшеніи существующихъ отношеній; славянофилы, столь же трезво понимая настоящее, не увлекались будущимъ и искали осуществленія своихъ идеаловъ въ прошломъ. На ученіи славянофиловъ рѣзче отразилась политическая мысль, чѣмъ на ученіи ихъ противниковъ — западниковъ; они отчетливѣе представляли и будущее. Строго говоря, разсужденіе славянофиловъ о свободѣ и истинной правдѣ, господствовавшихъ въ древней Руси, — это страстный гимнъ честныхъ душъ, наболѣвшихъ настоящимъ и жаждущихъ лучшаго будущаго. Это будущее славянофилы

представляли себѣ въ формѣ отношеній, господствовавшихъ въ древности. К. Аксаковъ въ запискѣ, поданной имъ въ 1855 г. императору Александру II (записка напечатана только въ 1881 г.), развивая въ ней свои завѣтныя мечты объ отношеніи земли и государства, дѣлаетъ такое заключеніе: «Свобода слова необходима; земскій соборъ нуженъ и полезенъ». Неудивительно, что, мечтая въ будущемъ реставрировать прошлое, славянофилы заявляли: «Гарантія не нужна! гарантія есть зло... вся сила въ идеалѣ». Нетрудно замѣтить, что политическое ученіе славянофиловъ отличается крайней непрактичностью: это ученіе, замѣчаетъ извѣстный историкъ Бестужевъ-Рюминъ, «сопоставляетъ силу матеріальную, вооруженную и войскомъ и учрежденіями, и силу нравственную, совершенно безоружную». «А то можетъ случиться, что бывало не разъ: вдругъ предпишутъ перемѣнить костюмъ; общество сопротивляется, а ему покажутъ такіе аргументы, передъ которыми замолчишь. Какъ тутъ быть съ одной нравственной силой, да безъ учрежденій, безъ этой заморской выдумки — гарантій!» («Отеч. Зап.», май, 1862 г., р. 22).

Я охарактеризовалъ не только историко-философское, но также политическое ученіе славянофиловъ, для того, чтобы показать, какъ тѣсно переплетались ихъ воззрѣнія въ томъ и другомъ направленіи.

Возвращаясь теперь къ историческимъ взглядамъ славянофильства, надо прежде всего отмѣтить, что оно сильно въ русской исторіографіи, подобно скептической школѣ, своимъ отрицательнымъ значеніемъ. Славянофилы мало сдѣлали для развитія русской исторической науки, ненаучность ихъ объясненій была слишкомъ очевидной; но ихъ критика подточила многіе выводы юридической школы и поставила рядъ серьезныхъ вопросовъ въ той же области правовыхъ отношеній; они выдвинули капитальную сторону историческаго изученія — изученіе

народной жизни и ея психологіи. Разработка указанныхъ славянофилами вопросовъ составила задачу позднѣйшихъ ученыхъ. Эта сторона теоретическаго воззрѣнія славянофильства, т.-е. изученіе народной массы въ ея историческомъ прошломъ, оказала важное вліяніе на труды Щапова, Костомарова и др. Щаповъ[1]) рано погибъ жертвою житейскихъ условій. Особенно важно вліяніе на науку многочисленныхъ сочиненій Костомарова. У послѣдняго на первомъ планѣ выступаютъ классы общества, области, земство—вообще народная масса. Но эта масса разсматривается историкомъ съ точки зрѣнія ея психологіи.

Костомаровъ, однако, обладалъ глубокимъ историческимъ чутьемъ. Въ отличіе отъ направленія Соловьева, онъ устанавливалъ не свой взглядъ на историческія явленія, но пытался найти имъ объясненіе въ народномъ пониманіи данной эпохи. Съ другой стороны, въ отличіе отъ славянофиловъ, онъ пытался изучить не однообразный и пассивный, неподвижный «народный духъ», но представлялъ себѣ народную массу дѣйствующей на историческомъ поприщѣ и подверженной поэтому измѣненіямъ въ своихъ идеалахъ.

Взгляды Соловьева, Чичерина и Кавелина, съ одной стороны, и взгляды Костомарова—съ другой, опредѣлили работу русской исторической мысли и могутъ быть признаны господствующими и въ настоящее время. Схема Соловьева-Чичерина нашла себѣ талантливаго представителя въ лицѣ московскаго профессора В. О. Ключевскаго и получила свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ его многочисленныхъ послѣдователей. Схема, развитая Н. И. Костомаровымъ, направленная къ изученію народной массы, областной жизни, получила плодотворное

---

[1]) Отношеніе Щапова къ славянофильству выяснено Аристовымъ. Самъ Щаповъ не причислялъ себя къ славянофиламъ, но на его труды, несомнѣнно, вліяло ихъ ученіе.

развитіе въ школѣ проф. В. Б. Антоновича съ его многочисленными учениками.

Такъ стоитъ дѣло изученія русской исторіи въ настоящее время.

Я сдѣлалъ краткій обзоръ направленій, подъ вліяніемъ которыхъ работала русская историческая мысль: идейное содержаніе этой работы составляетъ основной оборотъ нашей науки.

Прежде всего наблюдается стремленіе найти единое начало, движущее исторіей. Отправною точкою для историковъ служили господствующія философскія и политическія идеи, т.-е. мысль отправлялась не отъ реальнаго изученія предмета къ общей идеѣ, а наоборотъ. Этотъ выводъ не долженъ насъ пугать: полный объективизмъ въ исторіи, это — призракъ, за которымъ напрасно гоняется методологія науки. Въ общемъ въ русской исторіографіи наблюдается такая смѣна направленій. Этиконаціоналистическое направленіе смѣняется философскимъ. Юридическая школа устанавливаетъ существенный моментъ въ пониманіи процесса: *народъ есть организмъ, и исторія есть органическое развитіе народа.* Та же школа выдвигаетъ на первый планъ дѣйствительно существенный элементъ въ исторіи: государство и право вообще. Крайности юридической школы подвергаются исправленію, черезъ славянофильство, школой Костомарова. Центромъ изученія всѣхъ направленій являются факторы идеалогическіе, т.-е. государство, право, религія, мораль, литература, наконецъ народная психика.

Указанными направленіями обусловливается наличный составъ исторической литературы и изданныхъ источниковъ: мы имѣемъ рядъ цѣнныхъ работъ по исторіи власти, законодательства, сословій, религій, можемъ прослѣдить смѣны литературныхъ направленій, борьбу партій и классовъ общества съ точки зрѣнія идейнополитической, наконецъ познакомиться съ біографіей

великихъ и малыхъ историческихъ дѣятелей. Господство въ исторической наукѣ юридическихъ представленій сдѣлало даже то, что исторія превратилась въ право, съ прибавленіемъ біографій, а сама исторія клиномъ вошла въ юриспруденцію. И, замѣтьте, такое сліяніе права и исторіи какъ разъ произошло въ теченіе періода, когда политическая экономія въ трудахъ Рошера, Роджерса и ихъ послѣдователей почти превратилась въ исторію.

Знакомство съ идейнымъ содержаніемъ нашей науки дѣлаетъ умѣстнымъ вопросъ: достаточно ли она разъясняетъ намъ русскую исторію? Все ли это изъ того, что намъ надо знать для пониманія историческаго процесса? Иными словами: можемъ ли мы въ настоящее время абстрагировать процессъ въ направленіи, указанномъ Гегелемъ, хотя бы квалифицированномъ послѣдующими ученіями? Живетъ ли народная масса по Гегелю, переходя отъ Fürsichsein къ Insichsein для того, чтобы совершить логическій процессъ, продиктованный ей берлинскимъ профессоромъ?

Во второй половинѣ XIX в. стало замѣтнымъ значительное отрезвленіе мысли. Абсолютъ Гегеля, притомъ неизвѣстно откуда взявшійся, выраженный въ политико-правовой формулѣ и въ личности, пересталъ удовлетворять историческую мысль. Благодаря новой нѣмецкой школѣ права, съ Лабандомъ и Еллинекомъ во главѣ, измѣнились наши понятія о государствѣ и правѣ. Для насъ теперь государство не есть нѣчто мистическое: это — «корпорація осѣдлаго народа, обладающая верховною властью». Такъ опредѣляетъ Еллинекъ.

Иначе стали мы понимать и правовыя нормы. Если отношенія крѣпостного къ помѣщику есть фактъ права, то теперь мы понимаемъ, что это только одна сторона вопроса: тѣ же отношенія есть еще и фактъ экономическій. Не одно право раздѣляетъ и соединяетъ людей. Современный пролетарій цѣлою пропастью отдѣляется

Изданія Т-ва И. Д. Сытина:

Книга для чтенія по русской исторіи,

составленная при участіи профессоровъ и преподавателей

подъ редакціей профессора **М. В. Довнаръ-Запольскаго.**

Книга составлена изъ спеціально для нея написанныхъ статей проф. Д. В. Айналовымъ, проф. В. Б. Антоновичемъ, Н. Ф. Бѣляшевскимъ, Л. М. Гнѣвушевымъ, В. Г. Георгіевскимъ, проф. П. В. Голубовскимъ, проф. Ю. В. Готье, проф. М. В. Довнаръ-Запольскимъ, проф. В. З. Завитневичемъ, П. И. Ивановымъ, И. М. Катаевымъ, проф. Ю. А. Кулаковскимъ, проф. А. М. Лободой, Н. М. Мендельштамомъ, проф. В. Н. Перетцомъ, проф. А. Л. Погодинымъ, проф. Н. И. Смирновымъ, Д. Н. Ушаковымъ, С. К. Шамбинаго, Г. Н. Шмелевымъ.

Т. I. М. 1904 г. Цѣна 3 руб.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи.

Проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

К. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ: 1) Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря,
2) Ильинскія ворота, д. Титова,
3) Никольская ул., домъ гр. Орлова-Давыдова;
въ Петербургѣ, Бол. Садовая, д. № 35;
въ Кіевѣ, Подолъ, Гостиный дворъ;
въ Варшавѣ, Краковское предм., д. № 1;
въ Екатеринбургѣ, Покровскій просп., д. Ермолаева;

въ Воронежѣ, Московская улица;
въ Одессѣ, Преображенская ул., д. № 58;
въ Харьковѣ, Университетская улица, д. № 41, Чижиковыхъ;
въ Ростовѣ-на-Дону, Московская ул., д. Ященко;
въ Иркутскѣ, Большая улица, д. Никитина;
въ Нижегородской ярмаркѣ, на Шоссе.